

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ издавія седьмой.

ОКТАБРЬ.

№ 23.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОСЕННЕЕ УТРО (стих.).
СОБАКИ.
ПОДАРОКЪ.
ОКТАБРЬ (стих.).
ВЪ ИЗБУШКѢ ЛѢСНОГО
СТОРОЖА (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЬ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

← Подписной годъ съ 1-го Ноября. →

Зр. 80 К.

При каждомъ номерѣ приложенія.

ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

Зр. 80 к. въ годъ.

Адресъ Редакціи: ПЕТРОГРАДЪ,
Наменноостровскій пр., 26.

Зр. 80 К.

Сень-Готардскій проходъ черезъ Альпы (къ ст. «Собаки»).

ОСЕННЕЕ УТРО.

Проснешься утромъ, — тускло, хмуро
 Глядишь осенній день въ окно;
 Пойдешь ли въ садъ, — на клумбѣ бурой
 Цвѣты повяли ужъ давно;
 И скрылись птички всѣ отъ стужи,
 И здѣсь, и тамъ большія лужи.

∞

И садъ любимый такъ сквозистъ!..
 Печально падаетъ на землю
 Съ деревь послѣдній желтый листь...
 По вечерамъ я долго внемлю
 Напѣву вѣтра... Скучно мнѣ, —
 Грущу невольно о веснѣ!..

А. Н.

СОБАКИ.

Жизнь безъ близкаго общенія съ животными была-бы для человѣка очень скучной. Трудно представить себѣ мальчика или дѣвочку, которые не находили-бы для себя удовольствія поиграть съ котенкомъ или побѣгать со щеночкомъ или со взрослой, преданной собакой. Нѣкоторыя держатъ въ клѣткахъ птицъ и бѣлокъ, но это жестокое удовольствіе. Птицу, которой предоставленъ Богомъ чуть не весь свѣтъ и которая совершаетъ далекій перелетъ и привыкла къ безграничной свободѣ — и вдругъ сажаютъ въ тѣсную клѣтку! Развѣ это не жестоко? Развѣ не жалко смотрѣть на несчастную бѣлку, которая цѣлые часы вертится въ колесѣ и затѣмъ, закужившись, съ тяжелой головой,

долго сидитъ неподвижно въ углу клѣтки! А между тѣмъ животныя на свободѣ столько доставляютъ человѣку утѣшенія!

Одинъ узникъ долго сидѣлъ въ тюрьмѣ, забытый всѣми. У него не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, никто его не посѣщаль, и жизнь его проходила въ одиночествѣ и тоскѣ. Онъ часто плакалъ и даже просилъ себѣ у Бога смерти. И вдругъ въ уголку его тюрьмы заскреблась мышка. Она выползла изъ норки и пугливо оглядѣлась по сторонамъ. Завидя узника, который пошевелинулся, она испугалась и снова убѣжала къ себѣ подъ полъ. Но мало-по-малу она стала привыкать къ узнику и снова вылѣзала изъ норки. Онъ кинулъ ей крошку хлѣба. Она съѣла, убѣ-

дилась, что онъ ее не тронетъ, и стала навѣщать его уже по нѣсколь- ку разъ въ день. Она скоро стала ручной. Когда тюремщикъ приносилъ заключенному ѣсть, то около чашки всегда вертѣлась и она. Они стали обѣдать вдвоемъ. Мышка такъ привыкла хозяйничать въ камерѣ, что это стало развлекать узника. Теперь ужъ онъ былъ не одинъ. Онъ полюбилъ ее и, когда она долго не появлялась, то онъ начиналъ по ней скучать. Да и вполне понятно: мышка была его единственнымъ другомъ на всей землѣ. И она, повидимому, тоже полюбила его: она вспрыгивала на него, садилась къ нему на плечо и играла между его пальцевъ. Это отвлекало узника отъ его мрачныхъ мыслей и жизнь перестала казаться ему унылой и безнадежной. Но однажды въ камеру вошелъ тюремщикъ въ тотъ самый моментъ, когда мышка еще не успѣла убѣжать къ себѣ въ норку. Это былъ жестокий, безсердечный человѣкъ. Онъ спросилъ, что это значить, что мышка такъ ласкова съ заключеннымъ? Узникъ отвѣтилъ, что мышь — его единственный другъ и посѣщаетъ его каждый день. Тогда тюремщикъ схватилъ камень и тутъ-же убилъ несчастную мышку.

— Развлеченія въ тюрьмѣ не дозволены! проворчалъ онъ и вышелъ изъ камеры.

Несчастный узникъ посмотрѣлъ

ему вслѣдъ, выждалъ, когда онъ ушелъ, и, бросившись къ убитой мышкѣ, зарыдалъ, какъ дитя. Въ этомъ маленькомъ животномъ онъ навѣки лишился искренняго друга.

Что-же значать для насъ собаки, которыя преданы намъ беззавѣтно и которыя безъ насъ скучаютъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могутъ даже и жить? Даже самая маленькая забота о собакѣ вознаграждается ея безграничной преданностью и вѣрностью до гроба. Въ самомъ дѣлѣ, какой она прекраснѣйшій товарищъ! Она защищаетъ человѣка отъ нападений, она для него охотится на дичь, она играетъ съ его дѣтьми, переплываетъ для него рѣки, ищетъ его по слѣдамъ, совершаетъ для него геройскіе поступки. Она только не говоритъ съ нимъ, но лучше даже любого человѣка понимаетъ его даже самыя маленькія желанія и мысли.

Когда-то, въ былыя времена, собаки были дикими. Онѣ принадлежатъ къ тому-же самому семейству, какъ и волкъ и лисица. Но человѣкъ ихъ приручилъ и онѣ стали всюду за нимъ слѣдовать. Собака, которая возитъ теперь эскимоса, — вѣроятно, имѣла своимъ предкомъ волка. Странно подумать, что и большая, альпійская сенбернарская собака, и дворняжка, и пудель — происходятъ отъ собакъ, которыя когда-то были такъ-же дики, какъ и волки. А между тѣмъ это такъ. Благодаря

воспитанію у человѣка и климату, онѣ стали мѣнять свою наружность и изъ хитрыхъ враговъ сдѣлались нашими друзьями. А какъ собака полезна для человѣка, какъ сильно она можетъ для него трудиться! Эскимосская собака замѣняетъ собою на сѣверѣ лошадь и возитъ человѣка по цѣлымъ тысячамъ верстъ; во Франціи и въ Индерландахъ большія собаки возятъ цѣлыя телѣжки съ овощами и молокомъ. Часто можно бываетъ видѣть, какъ онѣ тамъ тащатъ телѣжки, напрягши всѣ свои мускулы и высуня отъ усталости языки. Овчарки оберегаютъ стада и если-бы не существовало на свѣтѣ собакъ, то быть можетъ погибъ-бы и самъ человѣкъ, такъ какъ въ древнія времена онъ жилъ только одними стадами, питался ихъ мясомъ и одѣвался ихъ шерстью. И если-бы собака не охраняла его стадо, то всѣхъ его овецъ съѣли бы хищные звѣри и человѣку и самому пришлось-бы умереть. Овчарка—единственный и незамѣнный другъ и помощникъ пастуха. Она не даетъ стаду разбрестись и если одинъ баранъ отойдетъ въ сторону, то она притворно кусаетъ его за ноги и заставляетъ его вернуться обратно. Сколько-бы тысячъ овецъ ни находилось въ стадѣ, собака всегда знаетъ именно своихъ овецъ и всегда можетъ отличить ихъ отъ другихъ. Однажды, во время сильной бури, нѣсколько

стадъ въ испугѣ перемѣшались вмѣстѣ. Одного изъ пастуховъ убило молніей, другіе разбѣжались въ страхѣ, побросавъ на произволь судьбы своихъ овецъ. Тогда въ ихъ отсутствіе собаки бросились къ обезумѣвшимъ овцамъ, отобрали каждая изъ нихъ изъ общей массы именно своихъ овецъ и, составивъ изъ нихъ отдѣльные стада, мирно погнали ихъ домой. Французскіе солдаты воспитываютъ собакъ для военной надобности. Такъ, послѣ сраженія собака отыскиваетъ своего раненаго хозяина и приноситъ ему на ошейникѣ воды или вина, чѣмъ спасаетъ ему жизнь. Однажды крестьянка вышла жать рожь и своего маленькаго, только что начавшаго ползать, ребенка оставила навдалекѣ отъ себя, тутъ-же на полѣ, въ колыбелькѣ одного. Онъ крѣпко спалъ. Проснувшись и не увидѣвъ около себя матери, онъ вылѣзъ изъ колыбельки и поползъ ее разыскивать. Она этого не замѣтила вовсе. Долго онъ ползъ и наконецъ заблудился въ высокой травѣ. Мать хватилась его, стала искать, но всѣ ея поиски оказались тщетными. Заблудившійся ребенокъ былъ уже такъ далеко, что могъ погибнуть отъ голода или же быть заклеваннымъ хищными птицами. Крестьянка была въ отчаяніи. Всѣ принятые мѣры не привели ни къ чему. Не извѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы не проходилъ мимо

охотникъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ послалъ на розыски своихъ собакъ и онѣ скоро нашли ребенка и своимъ лаемъ дали знать, куда онъ заползъ. Но самыми большими героями являются Сенъ-Бернарскія собаки, предназначенныя нарочно для разыскиванія людей, занесенныхъ снѣгомъ въ Альпійскихъ горахъ. Изъ нихъ самую знаменитую была собака Барри, спасшая на своемъ вѣку болѣе семидесяти человекъ и наконецъ погибшая и сама въ поискахъ за пропавшимъ ребенкомъ. Приведемъ здѣсь одинъ эпизодъ изъ жизни этого Барри.

На самой вершинѣ Альпъ, тамъ, гдѣ лѣто бываетъ настолько коротко, что овецъ выгоняютъ пастись только въ июнѣ, стоитъ монастырь святого Бернара, иначе — Сенъ-Бернарскій монастырь. Онъ находится какъ разъ на срединѣ пути между Швейцаріей и Италіей и тѣ, кто отправляется черезъ Сенъ-Готардскій проходъ, ночуютъ въ Сенъ-Бернарскомъ, монастырѣ. Кругомъ монастыря ходятъ облака, часто идутъ дожди, а въ грозу или въ снѣжную метель кругомъ него бываетъ даже страшно. Громъ гремитъ такъ, что сваливаются скалы съ горъ и съ шумомъ срываются внизъ въ далекія пропасти, загроможда все на своемъ пути. А когда наступаетъ зима и кругомъ поднимается метель, то ни одинъ человекъ уже

не можетъ добраться до монастыря: дороги къ нему становятся непроходимыми и тѣ, кто рискнулъ, погибаютъ или пропадаютъ безслѣдно подъ снѣгами.

И монахи собираются въ такую погоду у себя въ церкви, зажигаютъ свѣчи и начинаютъ молиться... А затѣмъ, когда метель становится сильнѣе, они начинаютъ звонить въ самый большой колоколъ на колокольнѣ, чтобы путники слышали ихъ звонъ и шли къ нимъ скорѣе. Когда же метель немного поутихнетъ, они зажигаютъ фонари, берутъ съ собою своихъ собакъ и идутъ съ ними на поиски. Собаки бѣгутъ впереди, обнюхиваютъ каждый шагъ, лаютъ и, остановившись затѣмъ на одномъ мѣстѣ, начинаютъ лапами раскапывать снѣгъ. Монахи помогаютъ имъ и вскорѣ на томъ мѣстѣ находятъ глубоко подъ снѣгомъ человека. Онъ полузамерзъ, ничего не чувствуетъ и ничего не знаетъ. Они кладутъ его на носилки и несутъ къ себѣ въ монастырь. Здѣсь они отогрѣваютъ его, даютъ ему поѣсть и снова отправляются съ собаками на поиски.

И такъ они поступаютъ каждый годъ, каждую зиму, каждую метель, и нѣтъ числа тѣмъ несчастнымъ путникамъ, которыхъ отыскали подъ снѣгомъ ихъ собаки.

Такъ было и въ ту метель, когда одна женщина, по имени

Жанна Сюзоръ, шла съ дремавшимъ ребенкомъ на рукахъ черезъ Сенъ-Готардскій проходъ вмѣстѣ со своимъ случайнымъ спутникомъ Клаусомъ.

— Бенедиктъ! обратился настоятель монастыря къ ключарю, когда загудѣла ужъ непогода.—Ты слышишь, какъ воетъ вѣтеръ? Въ которомъ часу сегодня пройдетъ мимо насъ дилижансъ изъ Люцерна въ Италию?

— Около восьми часовъ вечера, святой отецъ, отвѣтилъ Бенедиктъ.—Сейчасъ уже семь и если дилижансъ не прибудетъ черезъ часъ, то это значитъ, что онъ задержался въ дорогѣ. Вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и мечетъ, отъ снѣга не видно кругомъ ничего на аршинъ и я боюсь за тѣхъ пассажировъ, которыхъ непогода застала въ пути. Да помогутъ имъ Богъ и Пресвятая Дѣва!

— Аминь! Погода дѣйствительно плохая, Бенедиктъ. Не начать-ли намъ звонить?

— Я такъ полагаю, святой отецъ, что часъ еще можно подождать, а если дилижансъ не приѣдетъ черезъ часъ, то я прикажу Августину ударять.

— Ну, а что наши собаки?

— Воютъ, святой отецъ. А вѣдь вашему преподобию извѣстно, что значитъ, когда наши собаки начинаютъ выть. Значитъ, быть большой бурей.

Настоятель сложилъ руки ла-

донями вмѣстѣ и поднялъ кверху глаза.

— Да будетъ воля Господня, сказалъ онъ.—Сегодня ночью быть бѣдѣ. А что нашъ Барри?

— Умная собака молчитъ, святой отецъ, отвѣтилъ Бенедиктъ,—но достаточно взглянуть на ея печальные и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойные глаза, чтобы понять, въ чемъ дѣло: и Барри предчувствуетъ метель!

— Не давать собакамъ ѣсть, Бенедиктъ, и имѣть наготовѣ фохари!

— Слушаю, святой отецъ!

И, низко поклонившись, Бенедиктъ вышелъ изъ кельи настоятеля.

Буря уже ревѣла и ей вторили съ задняго двора собаки. Монахи мрачными тѣнями переходили одинъ къ другому и съ безпокойствомъ спрашивали другъ у друга, не слышно-ли еще чего о дилижансѣ?

— Который часъ?

— Половина восьмого.

— Не слышно-ли, гдѣ дилижансъ изъ Люцерна? Не слыхаль-ли кто-нибудь трубу кучера Луиджи?

— Нѣтъ, не слыхаль...

И опять томительные полчаса, полные безпокойства.

— Который часъ?

— Уже восемь, святой отецъ.

— Ну, что дилижансъ изъ Люцерна? Еще не слышно его трубы?

— Его еще нѣтъ, святой отецъ...

— Боюсь, какъ-бы въ горахъ не занесло его снѣгомъ!..

Настоятель опять складываетъ руки ладонями вмѣстѣ и тихо шепчетъ молитву.

— Прикажи, Бенедиктъ, звонить... говоритъ онъ. — Бѣдные путники потеряли дорогу. Да поможетъ имъ Богъ.

— Аминь!.. отвѣчаетъ Бенедиктъ и выходитъ изъ кельи.

И вслѣдъ затѣмъ начинаетъ звонить колоколь. Вѣтеръ разноситъ его удары далеко вокругъ и эхо отвѣчаетъ на нихъ въ пропастяхъ и долинахъ.

Звукамъ колокола вторить вой собакъ.

— Быть бѣдѣ!.. говорятъ монахи.—Быть бѣдѣ!

А большой сень-бернарскій песъ Барри лежитъ въ углу и, положивъ морду на переднія лапы, тяжело вздыхаетъ и иногда жалобно скулить. Онъ тоже предчувствуетъ снѣжную бурю, тоже предчувствуетъ бѣду.

Онъ спасъ уже десятки путниковъ, онъ откопалъ въ снѣгу уже два дилижанса вмѣстѣ съ пассажирами и лошадьми и два раза онъ нашель гдѣ-то подъ снѣгомъ двухъ маленькихъ дѣтей, которыхъ принесъ въ монастырь у себя на спинѣ.

Барри опытенъ и ему нельзя не вѣрить.

Быть бѣдѣ!

— Который часъ?

— Уже девять, святой отецъ. Колоколь звонитъ уже цѣлый часъ, но рожка дилижанса еще не слышно.

— Спустите собакъ!

Монахи бѣгутъ къ собакамъ, привѣшиваютъ имъ на ошейники по бутылкѣ вина, чтобы тотъ, кого онѣ найдутъ, могъ обогрѣть свое иззябшее тѣло, и выпускаютъ ихъ изъ собачника. Съ громкимъ воемъ онѣ выбѣгаютъ изъ воротъ монастыря и скоро исчезаютъ въ ночной темнотѣ. Вой ихъ скоро стихаетъ подъ ревомъ непогоды и только иногда съ далекихъ горъ доносится ихъ громкій лай.

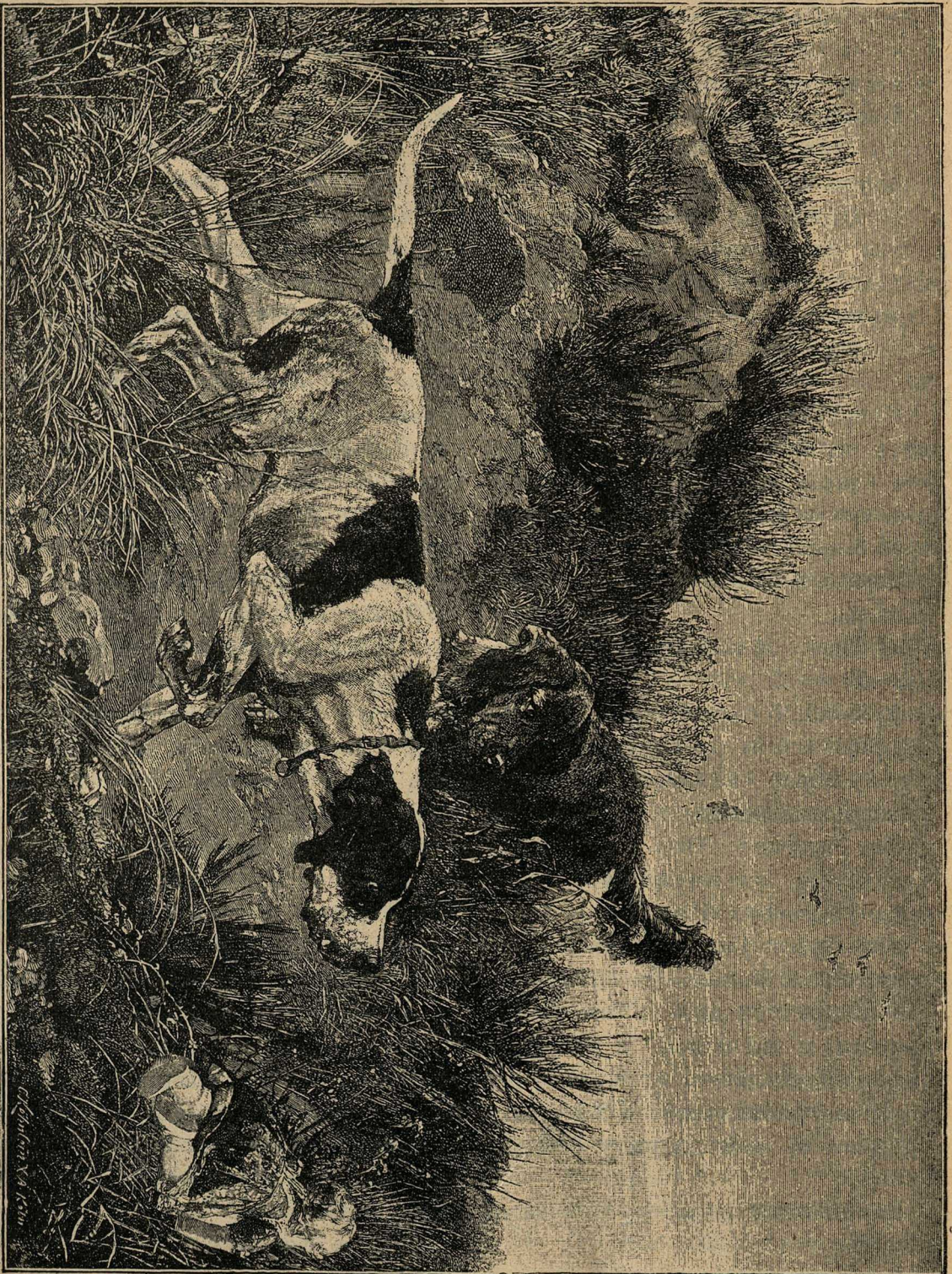
Онѣ лаютъ. Онѣ зовутъ путника. Онѣ ищутъ его по слѣдамъ.

Ихъ шесть большихъ собакъ. Всѣ онѣ умѣютъ отыскивать людей и подавать имъ помощь. И всѣ онѣ убѣжали.

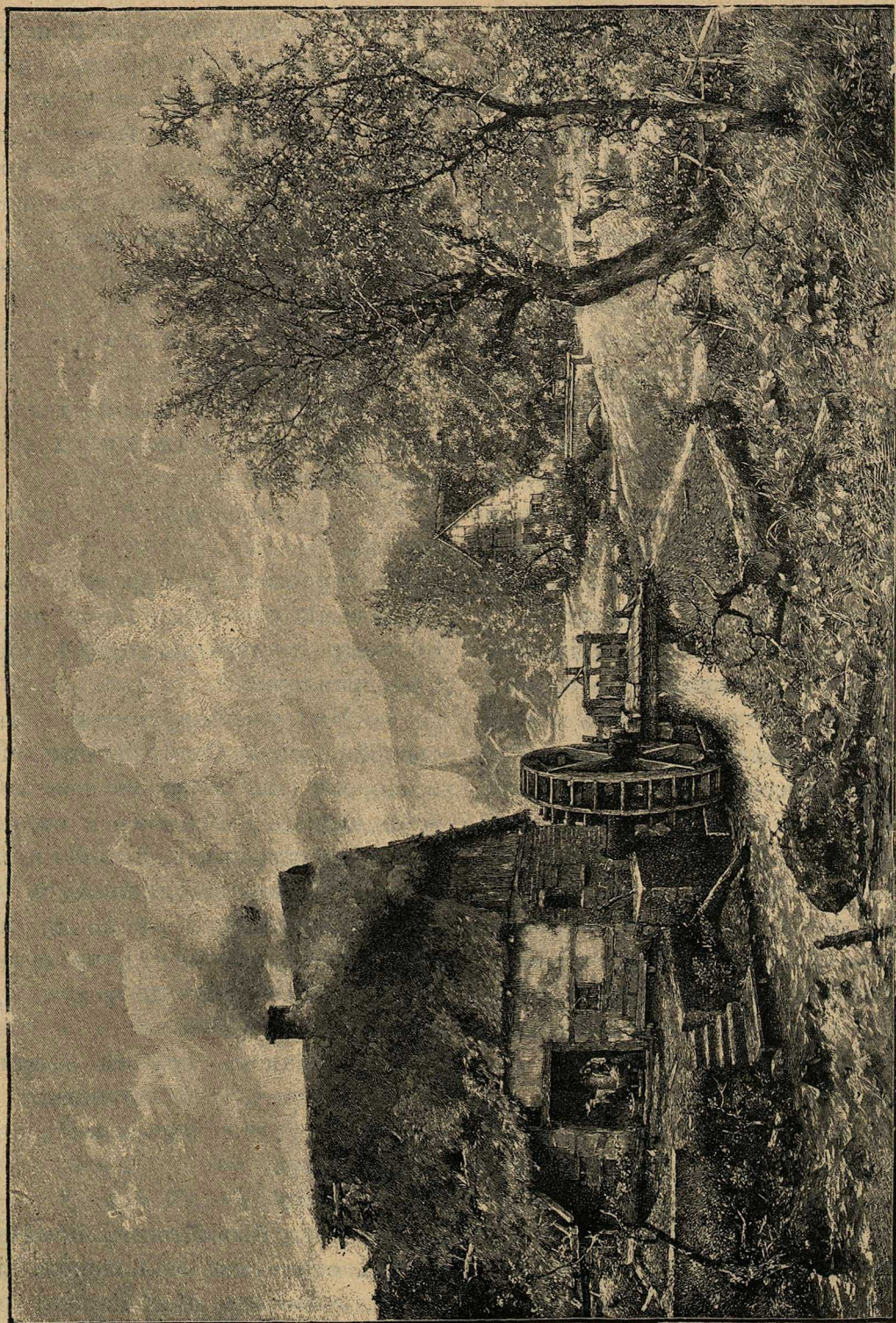
Одинъ только Барри остался дома. Онъ по-прежнему лежитъ въ углу и, положивъ морду на переднія лапы, по-прежнему тяжело вздыхаетъ и жалобно скулить.

— Барри безпокоится, говорятъ монахи,—онъ чувствуетъ бѣду. Намъ придется не спать всю ночь. Приготовьте же длинную веревку и фонари! Мы привяжемъ себя веревкой другъ къ другу, чтобы не сорваться кому-нибудь изъ насъ со скалы и не упасть въ пропасть, а фонарями будемъ освѣсѣть путь. Барри будетъ указы-

Онъ скоро нашли ребенка и своимъ ламъ дали знать, куда онъ заповлеть. (Къ ст. «Собаки»).

С. С. С. С. С.

Тихій уголокъ.

вать намъ дорогу. Да поможетъ намъ Богъ!

— Аминь!.. отвѣчаютъ другіе монахи и начинаютъ готовить веревку и фонари.

Но чу! Что это за звукъ? Это Луиджи играетъ въ свой рожокъ! Это дилижансъ.

Почти у самыхъ монастырскихъ воротъ радостно лаютъ возвратившіяся собаки, фыркаютъ лошади и играетъ въ рожокъ Луиджи. Дилижансъ изъ Люцерна доѣхалъ до монастыря.

Монахи, что-же вы стоите въ изумленіи, отчего не бѣжите на встрѣчу Луиджи, отчего не спѣшите отворить ему ворота?

И оправившись отъ удивленія, они бѣгутъ дилижансу на встрѣчу и отворяютъ передъ нимъ ворота. Луидживъѣзжаетъ въ монастырскій дворъ и весело играетъ на рожкѣ. Дилижансъ весь облѣпленъ снѣгомъ, его колеса обледенѣли, мазъ на осяхъ застыла и колеса уже не вертятся. Бѣдныя лошади едва стоятъ на ногахъ. Онѣ тоже всѣ въ снѣгу и едва дотащили дилижансъ. Пассажиры вылѣзаютъ изъ кареты, бросаются другъ къ другу въ объятія и благодарятъ монаховъ за собакъ. А онѣ стоятъ тутъ-же, радостно лаютъ и виляютъ хвостами.

— Мы совсѣмъ уже сбились съ пути, говоритъ Луиджи,—и еслибы вы не выслали собакъ, то мы такъ и не нашли бы дорогу!

— Мы совсѣмъ уже приготовились умирать, говорятъ пассажиры,—но ваши собаки отыскали насъ и помогли намъ сюда добраться. Да хранить васъ Богъ! Наши жены и дѣти сжидаютъ насъ въ Италиіи и беспокоятся за насъ. Теперь ужъ мы доѣдемъ благополучно!

И они начинаютъ ласкать собакъ.

— Который часъ?

— Уже десять, святой отецъ.

— Обогрѣйте путниковъ и дайте имъ поѣсть!

— Все уже сдѣлано, святой отецъ.

— Спросите у Луиджи, шель ли кто-нибудь сзади него и не обогналъ ли онъ по дорогѣ кого-нибудь впереди?

— Мы уже спрашивали его, святой отецъ. Онъ говоритъ что по дорогѣ онъ обогналъ какую-то женщину съ ребенкомъ и съ нею какого-то старика. Онъ хотѣлъ ихъ подвести, но въ дилижансѣ не было мѣста. Онъ говоритъ, что они еще бодры и что, вѣроятно, черезъ часъ уже добредутъ до монастыря.

— Въ такомъ случаѣ закройте собакъ опять въ собачникъ и пусть Августинъ перестанетъ звонить!

— Аминь!

И собаки были опять помѣщены въ собачникъ и колоколь пересталъ звонить. Всѣ монахи разошлись по кельямъ на покой.

Темная ночь. Вѣтеръ по-прежнему злится и воетъ и снѣгъ тучами носится надъ одинокимъ монастыремъ. Всѣ спятъ, собаки уже не воютъ и лошади мирно фыркаютъ и жуютъ овесъ.

Только одинъ Барри не спитъ. Онъ волнуется, вскакиваетъ съ мѣста, вновь ложится въ свой уголъ, скулить и часто долго-долго нюхаетъ воздухъ. Онъ что-то чувствуетъ.

— Уймись, Барри! говоритъ ему съ просонья монахъ. — Ты мѣшаешь мнѣ спать!

Но Барри становится всё безпокойнѣе. Онъ начинаетъ уже визжать и быстро бѣгать по комнатѣ. Онъ останавливается передъ запертой дверью, нюхаетъ въ нее и громко царапаетъ ее когтями. Уймись, Барри, вѣдь дилижансъ уже приѣхалъ и всѣ пассажиры налицо!

Но Барри не хочетъ униматься. Вѣтеръ становится все сильнѣе и сильнѣе, вьюга еще злѣе потрясаетъ крышами монастыря и стону непогоды начинаетъ вторить и собака. Барри начинаетъ выть.

Тукъ-тукъ-тукъ!

— Кто тамъ?

— Это я, святой отецъ.

— Чего тебѣ, Бенедиктъ?

— Барри началъ уже выть, святой отецъ. Онъ не успокаивался всю ночь. Какъ съ нимъ поступить?

Настоятель поднялся съ жесткой постели, всунулъ ноги въ сандалии и поправилъ на лампадкѣ огонекъ.

— Барри сталъ уже выть? переспросилъ онъ. — Ты говоришь, что онъ уже воетъ?

— Да, святой отецъ, отвѣтилъ Бенедиктъ. — Мнѣ кажется, что онъ что-то чувствуетъ.

— А какъ другія собаки?

— Другія собаки молчатъ.

— Въ такомъ случаѣ выпусти Барри одного. Пусть онъ пробѣжится одинъ, убѣдится, что въ горахъ никого нѣтъ, и возвратится обратно.

— Слушаю, святой отецъ.

И Бенедиктъ отправился къ Барри, прицѣпилъ ему на шею корзиночку съ хлѣбомъ и виномъ и повелъ его къ выходу изъ монастыря. Барри прыгалъ отъ радости, какъ маленькій щенокъ, лизалъ Бенедикту руки и весело визжалъ.

— Кто идетъ?

— Это я, Ксаверій,—ключарь Бенедиктъ. Отвори калитку. Меня нечего бояться, я свой.

— Что тебѣ нужно?

— Я долженъ сейчасъ выпустить собаку Барри.. Она просится въ горы. Если она кого-нибудь найдетъ, то ты прибѣги ко мнѣ и дай мнѣ знать.

Желѣзные запоры на калиткѣ заскрипѣли и Ксаверій съ трудомъ отворилъ калитку, которую

чуть не на треть занесло снѣгомъ съ обѣихъ сторонъ.

Барри взвизгнулъ, выскочилъ на волю и исчезъ во мракѣ ночи.

А вѣтеръ становился еще сильнѣе и изъ-за снѣга уже не видно было свѣта фонаря.

— Эхъ-хе-хе-хе! зѣвнулъ Бенедиктъ, снова укладываясь на голыя доски спать.—Что-то будетъ, что-то будетъ?..

— Звоните во всѣ колокола! Разжигайте вездѣ костры! Возьмитесь всѣ за длинную веревку и идите въ горы искать! Барри вернулся и принесъ на своей спинѣ ребенка! Онъ сбросилъ его прямо на снѣгъ и снова помчался въ горы!

Монахи хлопчуть около ребенка, они оттираютъ его, даютъ ему теплаго молока. Онъ открываетъ глаза и зоветъ свою мать.

Скорѣе монахи! Тамъ въ снѣгу лежитъ его мать!

Они берутся за длинную веревку и ощупью идутъ изъ монастыря. Передъ ними темно, позади ихъ тоже темно и дикія горы обступили ихъ со всѣхъ сторонъ. вмѣстѣ съ вѣтромъ до нихъ долетаютъ звуки монастырскихъ колоколовъ, а гдѣ-то далеко внизу громко лаеетъ ихъ Барри.

Гдѣ ты, Барри? Что ты тамъ нашель?

Монахи спускаются осторожно къ Барри, направляютъ на него

фонарь и видятъ, что тамъ что-то лежитъ и что онъ это что-то облизываетъ...

Что это? Что лижетъ Барри?

Это женское лицо, которое онъ откопалъ изъ-подъ снѣга. Онъ лижетъ и лаеетъ и въ то-же время старается лапами откопать его пошире.

Монахи помогаютъ ему и скоро выкапываютъ изъ-подъ снѣга женщину. Она еще теплая, отъ нея идетъ паръ. Монахи даютъ ей вина, она приходитъ въ себя, открываетъ глаза и говорить:

— Гдѣ мой мальчикъ? Гдѣ мой сынъ?

Женщина, твой мальчикъ уже спасенъ, онъ уже въ монастырѣ и зоветъ свою мать. Его спасъ знаменитый Барри!

Монахи кладутъ ее на носилки и несутъ ее въ монастырь. Одинъ за другимъ, по узкой тропинкѣ они выбираютъ изъ пропасти и, держась за веревку, чтобы не сорваться и не упасть, выходятъ въ Сень-Готардскій проходъ. Впереди ихъ шествуетъ Барри и, довольный, виляетъ хвостомъ.

Вдругъ Барри останавливается и начинаетъ тревожно лаять.

Что это? Пенёкъ или камень, торчащій изъ-подъ снѣга?

Нѣтъ, это тоже человѣкъ. Это спутникъ Жанны, старикъ Клаусъ.

Онъ сидитъ въ снѣгу, обнявъ колѣни и склонивъ голову на грудь, и вѣтеръ засыпаетъ его снѣгомъ.

Но снѣгъ уже не таетъ на его лицѣ и рукахъ, потому что Клаусъ уже замерзъ.

— Какая жалость! говорятъ монахи.—Мы уже не можемъ ему помочь! Это должно быть мужъ этой несчастной женщины и отецъ ея ребенка!

Но въ это время Жанна поднимаетъ съ носилокъ голову, глядитъ на окоченѣвшій трупъ и говоритъ:

— Это не мужъ, а чужой...

И всѣ вереницей отправляются въ монастырь.

Два дня и двѣ ночи продолжалась эта страшная метель. А когда она прекратилась, то засіяло солнце и горы заблестали снѣговымъ покровомъ. Небо стало голубымъ, безоблачнымъ и ни малѣйшій вѣтерокъ уже не дулъ съ сѣвера. Пригрѣваемая солнцемъ, таяли на крышахъ ледяныя сосульки и капельки съ нихъ падали внизъ и долбили рыхлый, ноздреватый снѣгъ.

Луиджи уже подмазалъ свой экипажъ и запрегъ въ него лошадей и снова весело наигрывалъ на своемъ рожкѣ. Сейчас онъ отправится въ путь. Теперь всю дорогу отъ монастыря онъ уже будетъ спускаться внизъ и къ полудню вѣдетъ уже въ ту страну, гдѣ никогда не бываетъ такой суровой зимы. Пассажиры столпились вокругъ его дилижанса, спѣшать, укладываютъ въ него свои

вещи. Спѣшитъ и Жанна Сюзоръ. Она получила мѣсто въ немъ же и поѣдетъ теперь не одна, а съ другими. Ей весело. Пережитыя страданія кажутся ей ушедшими куда-то далеко и вмѣстѣ съ яснымъ небомъ кажется ей яснымъ и ея будущее.

Всѣ усаживаются въ дилижансъ. Вокругъ стоятъ монахи и провожаютъ ихъ съ ласковыми пожеланіями счастливаго пути. Выходитъ настоятель и осѣняетъ ихъ крестомъ. Тутъ-же ходятъ собаки, и между ними умный Барри, и помахиваютъ хвостами.

— Все готово?

— Все!

Луиджи играетъ на своей трубѣ, щелкаетъ бичемъ и, хрустя по снѣгу копытами, лошади трогаются въ путь.

— Прощайте! кричатъ имъ вслѣдъ монахи.—Да хранитъ васъ Богъ!

— До свиданія! отвѣчаютъ имъ пассажиры и машутъ имъ платками изъ дилижанса.—Прощай, Барри! Спасибо тебѣ! Спасибо вамъ, собаки!

Монахи стоятъ и смотрятъ путникамъ вслѣдъ. Барри еще долго бѣжитъ вслѣдъ за экипажемъ, а затѣмъ останавливается, долго провожаетъ его взглядомъ и степенно возвращается въ монастырь.

Поворотъ вправо, затѣмъ поворотъ влѣво и маленькій подъемъ—и красныя, черепичныя крыши

монастыря исчезаютъ въ котловинѣ.

Прощай, монастырь! Прощайте гостепріимные, добрые монахи!

Дилижансъ спускался все ниже и ниже, вотъ уже кончилась линія снѣговъ и потянулись голыя скалы съ вѣковыми соснами на вершинахъ, вотъ зазеленѣла травка, а вотъ уже стали показываться и зеленыя деревья. Въ лицо дуетъ теплый ароматный вѣтерокъ и Жанна не можетъ имъ надышаться. Какъ-то не вѣрится даже, что всего только нѣсколько часовъ тому назадъ была жестокая, суровая аима и что только два дня тому назадъ пассажиры чуть не погибли въ снѣгахъ.

Пять лѣтъ спустя, Жанна Сюзоръ снова ѣхала черезъ Сенъ-Готардскій переваль. Теперь было уже лѣто и ей уже нечего было бояться снѣговъ и метели. Проѣзжая мимо Сенъ-Бернарскаго монастыря, она остановилась въ немъ и спросила у того-же Бенедикта:

— А гдѣ теперь собака Барри?

Монахъ глубоко вздохнулъ и опустилъ глаза.

— Барри уже нѣтъ... отвѣтилъ онъ.— Барри умеръ... Онъ спасъ семьдесятъ человѣкъ и погибъ!

— А гдѣ его закопали? полюбопытствовала Жанна.

— Вонъ тамъ, направо по выходѣ изъ монастыря! указалъ Бенедиктъ и не торопливою походкой отправился къ себѣ въ келью.

Жанна вышла изъ воротъ монастыря.

Было лѣто. Прямо передъ нею глубоко внизъ убѣгало шоссе въ Люцернъ, по которому когда-то ѣхалъ дилижансъ Луиджи и шла она со старичкомъ-попутчикомъ и съ ребенкомъ, а надъ нею и кругомъ монастыря громоздились горы и на нихъ блестяли вѣчные снѣга.

Вотъ кому-то памятникъ. Она подходитъ къ нему и читаетъ на немъ слѣдующую надпись:

«Самою славной изъ собакъ была во всемъ мірѣ Барри, благодѣтельная собака Сенъ-Бернарскаго монастыря! Да, Барри, ты была лучшей изъ собакъ, лучшимъ изъ всѣхъ животныхъ! Ты была великой, человѣколюбивой собакой, ты имѣла состраданіе къ несчастнымъ! Ты спасла жизнь болѣе 70 человѣкъ. Съ корзиночкой на шеѣ, гдѣ были хлѣбъ и вино, изо дня въ день выходила ты изъ монастыря въ снѣжную бурю, чтобы отыскивать занесенныхъ снѣгомъ и засыпанныхъ лавиной людей. Ты не рыла могилъ для мертвыхъ, но ты способствовала воскрешенію живыхъ. Ты, какъ человѣкъ, умѣла молчаливо внушать къ себѣ довѣріе, иначе ребенокъ, вырытый тобою изъ-подъ снѣга, никогда не посмѣлъ-бы взлѣзать къ тебѣ на спину, чтобы ты могла снести его въ гостепріимный монастырь. Придя къ вратамъ обители, ты звони-

ла въ колоколь и лишь только монахи снимали съ тебя дорогую ношу, какъ ты уже снова пускалась на поиски за несчастными».

Жанна съ благодарностью опускается передъ памятникомъ на одно колѣно и глубоко вздыхаетъ.

— Спасибо тебѣ, Барри! говоритъ она.—Ты спасъ мое дитя!

И, поднявшись съ земли, она начинаетъ спускаться по шоссе въ Люцернъ.

А сзади нея ѣдетъ слѣдомъ ея дилижансъ.

М. Б.

ПОДАРОКЪ.

Въ довольно просторной, очень просто, но со вкусомъ убранной комнатѣ, чистой и свѣтлой, на самомъ верхнемъ этажѣ, почти подъ самымъ небомъ, сидѣла у окна молодая женщина и шила. Она была печальна; ея скромная одежда нисколько не вредила ея благородной наружности.

Посреди комнаты, у покрытаго скатертью стола, стояла Маргарита, дѣвочка 11 лѣтъ, въ черномъ передникѣ и оканчивала укладку въ картонный ящикъ тетрадей и книгъ. Свѣженькое личико этой дѣвочки говорило о хорошемъ здоровьѣ и веселомъ настроеніи духа. Окончивъ эту работу, Маргарита приблизилась къ окошку, поглядѣла на блѣдное сумрачное небо и тихонько, не мѣшая своей матери заниматься дѣломъ, обняла ее со всѣмъ пыломъ любящей дочери. А затѣмъ она вновь сѣла на свое мѣсто.

— Послушай, мама, обратилась она къ матери и быстрымъ, движеніемъ нагнулась надъ столомъ и забарабанила по нему пальцами, точно по клавишамъ.

— Слышишь, какъ я хорошо играю? Это веселый вальсъ. Чего тебѣ сыграть еще?

И быстро двигая пальцами по воображаемой клавиатурѣ, она стала пріятнымъ голосомъ подпѣвать.

Мать глубоко вздохнула, вспомнивъ о прошедшемъ, которое такъ не походило на это печальное настоящее, а затѣмъ улыбнулась и не стала ей мѣшать.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ домѣ Анны Павловны царило полное благополучіе. Но несчастіе и разореніе ворвались къ ней въ домъ: въ короткій срокъ она потеряла и мужа и все, что имѣла. Маргаритѣ было въ то время около восьми лѣтъ.

Ущелье въ Альпійскихъ горахъ.

Продавши все, Анна Павловна переселилась вмѣстѣ съ дочерью въ большой городъ и наняла тамъ очень скромную квартирку въ рабочемъ кварталѣ, гдѣ ей можно было-бы легче скрыть свою нищету и жить подешевле. И для

ужась, что съ нею можетъ приключиться что-нибудь непредвидѣнное, вродѣ безработицы или болѣзни, которыя заставятъ ее и ея дочь испытывать еще большую нищету. И по этому она работала по цѣлымъ днямъ и часто даже

У окна сидѣла молодая женщина и шила.

того, чтобы поддерживать свое существованіе, вдова не имѣла ничего, кромѣ иголки и желанія трудиться. Послѣ долгихъ поисковъ, она отыскала работу, которая стала отнимать у нея весь ея день. Кое-какъ перебивались. Но несчастную мать приводило въ

по ночамъ, въ надеждѣ скопить что-нибудь на черный день, чтобы бодрѣе смотрѣть въ будущее. И пока она работала въ этотъ вечеръ, ея Маргарита, окончивъ уроки, все время барабанила пальцами по столу и подгѣвала: —
— Разъ, два, три!.. Разъ, два, три!..

Дѣвочкѣ сильно, безумно хотѣлось играть на роялѣ. Эту любовь къ музыкѣ она унаслѣдовала отъ своей матери Анны Павловны, которая тоже играла и когда-то серьезно училась музыкѣ у какого-то Игнатія Николаевича и который еще въ былые годы, когда Маргаритѣ былъ еще только третій годъ, жилъ у Анны Павловны нахлѣбникомъ, былъ бѣденъ и вмѣсто платы за квартиру и столъ училъ ее играть на роялѣ. Теперь этотъ Игнатій Николаевичъ былъ уже знаменитымъ музыкантомъ, развѣзжалъ по всей Европѣ и давалъ концерты въ ея столицахъ, а Анна Павловна, не имѣя музыкальнаго инструмента, такъ и разучилась играть все то, чему училъ ее квартирантъ.

— Разъ, два, три!.. повторяла Маргарита.—Разъ, два, три!.. Ахъ, какъ-бы я хотѣла, мамочка, играть на роялѣ!

— Гдѣ-жъ его взять?.. грустно отвѣтила мать.

Послѣ зимнихъ сумерекъ наступила ранняя, тоскливая ночь. Анна Павловна сложила свою работу, чтобы начать готовить ужинъ, а Маргарита, закончивши сильнымъ ударомъ кулака по столу свою музыку, встала, чтобы ей помочь.

— Это барабанъ! сказала она съ улыбкой.

Проходя мимо окна и замѣтивъ цѣлую груду бѣлья, напши-

тую матерью, она всплеснула руками.

— Мамочка! въ удивленіи воскликнула она.—Да вѣдь это цѣлый магазинъ! Когда ты успѣла? Такую кучу и не донесешь!

— Къ сожалѣнію, за эту кучу не дадутъ и двухъ рублей... отвѣтила мать.—Шила цѣлые двое сутокъ, устала ужасно...

— А если-бы у тебя была швейная машина, то ты заработала-бы больше?

— Почти вдвое. Но развѣ ты не знаешь, сколько нужно денегъ на швейную машину? Когда ихъ заработаешь?

Дѣвочка омрачилась. Она опустила глаза и задумалась.

— А ты научи шить и меня! вдругъ сказала она и радостно улыбнулась.—Вѣдь это будетъ полезнѣе, чѣмъ барабанить пальцами по столу!

— Тебѣ надо было-бы учиться въ гимназіи, а не шить, отвѣтила мать съ глубокимъ вздохомъ.—Мнѣ такъ тяжело, что ты остаешься безъ образованія!

Наступило молчаніе. Замелькали на улицѣ фонари и слышно было, какъ гдѣ-то внизу кто-то игралъ на піанино. Дѣвочка разставила тарелки, нарѣзала хлѣба и, въ ожиданіи, пока управится мать, снова забарабанила пальцами по краю стола.

— Ахъ, какъ мнѣ хочется поиграть! сказала она.—Когда мы ку-

пимъ швейную машину и я буду работать вмѣстѣ съ тобой, то мы заработаемъ много-много денегъ! Тогда я куплю себѣ пианино и буду играть. А ты будешь слушать. Хочешь, я сейчасъ сыграю тебѣ концертъ?

Она сѣла за столъ и вновь съ увлеченіемъ забарабанила по его краю пальцами.

Затѣмъ онѣ поужинали и мать уже при лампѣ продолжала свою работу.

А потомъ потянулись дни за днями, всѣ похожіе между собою, полные лишеній и труда. Не переставая ни на минуту, Анна Павловна стегала своей иглой и изъ подъ ея рукъ выходили тѣ костюмчики, въ которые наряжались потомъ дѣти болѣе состоятельныхъ людей. А какъ, въ сущности, недалеко было то время, когда она точно такъ-же обшивала и свою дочь! Развѣ могла она вообразить тогда, что ея умѣнье шить будетъ въ послѣдствіи единственной ея надеждой!

Все увеличивающійся трудъ, тоска по мужѣ и неизвѣстность будущаго стали подрывать здоровье Анны Павловны. Догадливая не по лѣтамъ, Маргарита забеспокоилась при видѣ блѣдности и худобы своей матери. И ей было досадно, что она еще почти дитя и не можетъ ей помочь.

— Что-бы такое придумать, чтобы заработать деньги?— часто она

задавала себѣ вопросъ.— У меня много времени, но чѣмъ-бы заняться? Мама находитъ, что я очень хорошо подрубляю и я могла-бы ей въ этомъ помочь, только жаль, что нечего подрублять! Никто не несетъ платковъ!

И какъ она ни ломала голову, она не могла этого рѣшить.

Какъ-то вечеромъ, выполнивъ одно изъ порученій матери, послывшей ее купить то одно, то другое, она возвращалась домой.

Не останавливаясь ни на минуту, такъ какъ идти было далеко, и помня наставленія своей матери, она шла своей дорогой, не глядя по сторонамъ, гдѣ въ окошкахъ виднѣлись игрушки, картины, драгоценности и цвѣты. Все это ее очень соблазняло, но она сдерживала себя. Однако нѣкоторыя выставки въ магазинахъ такъ привлекали ея вниманіе, что она не имѣла силъ устоять: это были швейныя машины. Она останавливалась передъ ними, мысленно выбирала себѣ одну изъ нихъ, а потомъ продолжала свой путь, старалась высчитать сколько ей понадобилось бы мѣсяцевъ, чтобы заработать достаточно денегъ на покупку машины. И въ этотъ день она такъ занялась этими вычислениями, что и не видѣла ничего передъ собой.

И вдругъ она почувствовала, что попала прямо подъ ноги ка-

кому-то господину. Ударъ былъ настолько силенъ, настолько неожиданъ, что дѣвочка упала и уронила свой узелокъ съ покупками, которыя разсыпались по тротуару по всѣмъ направлѣнiямъ.

— Простите, пожалуйста, сказала Маргарита, вся покраснѣвъ и не смѣя поднять глаза на господина, которому было еще болѣе неловко, чѣмъ ей самой.

Господинъ этотъ былъ высокаго роста, держалъ себя прямо, не смотря на свой пожилой возрастъ, и былъ одѣтъ въ длинное пальто, изъ кармановъ котораго торчали свертки нотъ.

Маргарита нагнулась чтобы подобрать свои клубки, но господинъ еще быстрѣе чѣмъ она, нагнулся самъ и сразу поднялъ съ земли ея покупки.

— Я, я подберу вамъ все, дитя мое... сказалъ онъ, протянувъ къ ней лѣвую, свободную руку.— Не ушибъ-ли я васъ? Ну, можно-ли быть мнѣ такимъ ротозѣемъ, что я налетѣлъ на васъ и чуть не сшибъ васъ съ ногъ!

— Это я налетѣла на васъ... залепетала Маргарита и покраснѣла еще болѣе, хотя ей хотѣлось смѣяться. Этотъ случай показался ей забавнымъ.

Господинъ потеръ себѣ ладонью лобъ, точно, стараясь что-то припомнить.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ

онъ и пристально поглядѣлъ ей въ самые глаза.

— Маргаритой, отвѣтила она.

— Ну, такъ я и зналъ! Какъ она похожа на свою мать! Ахъ, милая Маргарита, какая эта удивительная встрѣча!

И онъ протянулъ къ ней руки.

Она взвизгнула и бросилась къ нему сама.

— Игнатiй Николаевичъ! воскликнула она.

— Неужели узнала? отвѣтилъ господинъ.— Вѣдь тебѣ было тогда всего только восемь лѣтъ! Ну, какъ твоя мама? Гдѣ она? Неужели здѣсь? Вѣдь твой папа, кажется, умеръ? Я какъ-то слышалъ объ этомъ. Царство ему небесное! Ну, веди же меня скорѣе къ твоей мамѣ, я такъ-бы хотѣлъ съ нею повидаться!

Онъ взялъ дѣвочку за руку, они пошли вмѣстѣ и разговорились.

— Боже мой, говорилъ Игнатiй Николаевичъ дѣвочкѣ, которая сѣменила сбоку его по тротуару,— сколько разъ я вспоминалъ о прошедшемъ и о томъ времени, когда жилъ у васъ и давалъ уроки музыки твоей мамѣ, и когда носилъ тебя на рукахъ! Вспоминали-ли вы когда-нибудь обо мнѣ?

— Я никогда не забывала о васъ, отвѣчала дѣвочка.— Я всегда помнила, какъ вы играли со мною въ куклы!

— Ну, такъ рассказывай-же

мнѣ о твоей мамѣ! Что она? Здоровая? Похудѣла?

Маргарита стала рассказывать ему и незамѣтно они дошли до дома. Дѣвочка стала подниматься на пятый этажъ впереди, а господинъ слѣдовалъ за ней и тяжело дышалъ.

— Уфъ, задыхался онъ.—Такъ высоко? Да ты куда меня ведешь? На крышу что-ли, или на самую облака? Вѣдь я не котъ и не воздухоплаватель!

Они пришли и не застали Анны Павловны дома. Она отправилась разыскивать себѣ работы. Долго ждалъ Игнатій Николаевичъ ея возвращенія, да такъ и не дождался; онъ ушелъ, полный тоски и состраданія. Онъ воочію увидѣлъ, какъ жила бѣдная вдова, и рѣшилъ во что-бы то ни стало ей помочь. Но какъ это сдѣлать? Онъ понималъ, что нельзя-же было предложить ей денегъ тотчасъ-же, такъ какъ она была горда, а въ каждомъ бѣднякѣ нужно было уважать его гордость. И онъ рѣшилъ прежде всего начать съ Маргариты. Въ слѣдующій свой приходъ къ Аннѣ Павловнѣ, принесшій ей много радости, онъ предложилъ давать Маргаритѣ уроки музыки и кромѣ того опредѣлить ее въ гимназію: каждыя два дня, послѣ окончанія уроковъ въ гимназіи, она должна была приходиться къ нему и учиться у него играть на фортепіано.

— Какое счастье, мамочка!

воскликнула дѣвочка, когда ушелъ отъ нихъ Игнатій Николаевичъ.— Ты увидишь, какіе я сдѣлаю успѣхи! Ты будешь мною довольна!

И, вѣрная своему обѣщанію, она съ жаромъ принялась за ученіе. Въ гимназіи она стала лучшей ученицей, музыкой занималась съ увлеченіемъ. Тотъ трудъ, который она несла по ученію и по дому, только подбодрялъ ее и дѣлалъ ее веселой. Ей некогда было скучать. Ложась въ усталости спать, она уже знала теперь, что завтра ее съ самаго утра ожидало дѣло, которое она любила, и она просыпалась, стараясь не проспать ни одной минуты, быстро собирала свои книжки и бѣжала учиться. Игнатій Николаевичъ не могъ ею нахвалиться. Подъ предлогомъ награды за хорошіе успѣхи, онъ дарилъ ей разныя вещи, въ которыхъ нуждалась и ея мать.

— Эта дѣвчурка страшно талантлива, часто говорилъ онъ самъ себѣ.—Что если-бы она имѣла возможность заниматься хотя-бы только по два часа въ день на дому! Но для этого ей необходимо піанино, а его-то у нея и нѣтъ! Куда ужъ тутъ до піанино, когда нечего ѣсть!

И онъ иногда поговаривалъ объ этомъ вслухъ, въ присутствіи своей ученицы.

— Послушай, разъ обратился онъ къ ней съ таинственнымъ видомъ и полный радости о томъ

сюрпризѣ, который самъ-же ей готовилъ.—Въ этомъ мѣсяцѣ день твоего рожденія. Я хотѣлъ бы, чтобы у тебя въ этотъ день былъ настоящій праздникъ. Я подарю тебѣ кое-что, чего ты очень желаешь и что доставить тебѣ большое удовольствіе. Я тебѣ ни за что не скажу, что это такое, и ты не догадаешься и сама.

Маргарита долго думала объ этихъ словахъ. Что она получить? Она никакъ не могла догадаться. Больше всего она желала швейной машины, въ которой такъ нуждалась ея мать. Но развѣ этого можно ожидать? Швейная машина стоила такъ дорого! А Игнатій Николаевичъ ужъ и безъ того сколько разъ помогаль ей... А потомъ—развѣ можно, развѣ честно рассчитывать на дорогіе подарки?

— Должно быть, это будетъ какая-нибудь книга въ красивомъ переплетѣ, думала она.

Но Игнатій Николаевичъ какъ-то проговорился и самъ.

— Хорошо! сказалъ онъ разъ.— Отлично играешь! Но у тебя будутъ эти мѣста выходить еще лучше, когда ты будешь проходить ихъ у себя дома, на своемъ собственномъ піанино!

— У себя дома? воскликнула Маргарита.—На своемъ собственномъ піанино? Да развѣ это возможно?

Она уже такъ долго мечтала объ этомъ по цѣлымъ днямъ и

ночамъ, что не смѣла даже и вѣрить въ такое счастье.

Но эта ея радость все-таки не мѣшала ей замѣчать, что блѣдность ея матери становилось все замѣтнѣе и замѣтнѣе и что силы ея съ каждымъ днемъ начинали слабѣть. И это надрывало ей сердце.

Однажды вечеромъ Маргарита запоздала къ своему учителю музыки. Она должна была придти къ нему прямо изъ гимназіи, но пошла прямо домой, такъ какъ мать ея заболѣла и слегла въ постель совсѣмъ.

— Простите, Игнатій Николаевичъ, обратилась она къ своему учителю и покраснѣла,—но если возможно, пусть нынѣшній урокъ будетъ покороче. Мама больна, лежитъ, не можетъ подняться и я должна поскорѣе вернуться къ ней.

Лицо музыканта опечалилось. Онъ этого ожидалъ. Нельзя было работать сверхъ силъ.

— Въ такомъ случаѣ иди домой, сказалъ онъ.—Навѣрное, завтра твоей мамѣ будетъ лучше, тогда придешь ко мнѣ часомъ раньше. А сейчасъ мнѣ некогда. Я спѣшу. Да скажи своей матери, что нельзя такъ много работать, что и силамъ человѣческимъ бываетъ наконецъ предѣлъ.

Маргарита вздохнула.

— У нея уже и такъ нѣтъ работы... проговорила она.—Вотъ уже четвертый день, какъ мы сидимъ безъ заказовъ.

Игнатій Николаевичъ кашлянулъ, чтобы замять навернувшіяся слезы.

— Ахъ, вы бѣдняки! сказалъ онъ.—Ну, что мнѣ съ вами дѣлать!

А потомъ онъ взялъ дѣвочку за руки.

— Передай также своей мамѣ, продолжалъ онъ,—что вотъ эти твои рученки со временемъ будутъ много зарабатывать! Нужно только поучиться хорошенько, а поучиться скоро будетъ на чемъ. Стоитъ только дождаться дня твоего рожденія!

Маргарита догадалась.

Она покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, ея губы задрожали, она хотѣла заговорить и не могла.

— Ну, что? обратился къ ней учитель.—Теперь поняла?

Маргарита собралась наконецъ съ силами.

— Игнатій Николаевичъ, начала она и голосъ ея задрожалъ.—Теперь я знаю, что вы хотите мнѣ подарить въ день рожденія. Это... пианино!

— Ахъ, ты догадливая дѣвица!—воскликнулъ онъ.—Ну, пианино, такъ пианино!..

Но Маргарита уже не радовалась предстоящему подарку.

— Игнатій Николаевичъ, обратилась она къ музыканту и слезы потекли у нея по щекамъ.—Хотите сдѣлать меня счастливой? Хотите доставить мнѣ удовольствіе?

— Ну, конечно! отвѣтилъ онъ.—

Говори, что такое? Только скорѣе, а то я спѣшу!

Маргарита не могла говорить отъ слезъ.

— Простите меня... залепетала она.—Я такая неблагогодарная.. Но есть вещь, которая... которая доставила-бы мнѣ больше удовольствія, чѣмъ пианино... Подарите мнѣ лучше ее!

Музыкантъ нахмурился.

— Что-же это за вещь? спросилъ онъ.—Что это такое!

Маргарита опустила глаза.

— Швейная машина... едва слышно отвѣтила она.

— Развѣ ты такъ любишь шить? Развѣ шитье для тебя важнѣе, чѣмъ музыка?

— Ахъ, Игнатій Николаевичъ, милый, хороший, дорогой! Не обвиняйте меня! Вѣдь это я для мамы. Я не могу видѣть, какъ она устаетъ безъ машины. Если бы у насъ была машина, то мама не уставала-бы такъ сильно и у насъ было-бы много заказовъ. А то никто не желаетъ, чтобы бѣлье было подрублено руками!

Музыкантъ подумалъ.

— Хорошо! сказалъ онъ.—Пусть вмѣсто пианино будетъ машина! Въ день твоего рожденія у твоей мамы будетъ сюрпризъ: ей принесутъ швейную машину.

— Какъ вы добры! воскликнула Маргарита.—Благодарю васъ отъ всей души! Я никогда не забуду этого вашего подарка!

Это были швейныя машины.

И, не помня себя, она бѣгомъ помчалась домой. Но какую она принесла громадную жертву! Имѣть пианино было ея мечтой, она любила играть со всѣмъ пыломъ своей дѣтской души. Уроки музыки наполняли ей жизнь и она находила въ ея изученіи то, что могла найти только артистическая душа. И вотъ теперь—вмѣсто пианино—швейная машина! Какъ это скучно! Отказаться отъ подарка, который онъ самъ-же ей предлагалъ; значило для нея отказаться отъ радостей и отъ надеждъ, о

которыхъ она такъ мечтала. Жертва была велика, но Маргарита твердо на нее рѣшилась. Борьба была невелика. При одной только мысли о томъ, какое удовольствіе доставитъ машина ея матери и насколько облегчится ея тяжкій трудъ, она испытывала искреннюю радость и нисколько не сожалѣла о своемъ рѣшеніи.

Наступилъ день рожденія, котораго Маргарита такъ нетерпѣливо ожидала. Сейчасъ придетъ Игнатій Николаевичъ. При малѣйшемъ шумѣ на лѣстницѣ она вздрагивала. Но вотъ ужъ слышны и его шаги. Звонитъ звонокъ. Дѣвочка бѣжитъ ему на встрѣчу и открываетъ дверь.

Да, это онъ, ея старый другъ. Позади него рабочій тащитъ на плечахъ швейную машину точь-въ-точь такую, какую видѣла Маргарита на окошкѣ магазина.

Анна Павловна конфузится, благодаритъ музыканта. Онъ ихъ единственный знакомый во всемъ городѣ и такъ пріятно, что онъ вспомнилъ о нихъ и пришелъ ихъ поздравить! А тутъ еще машина... Всѣ трое бросаются къ ней, начинаютъ ее оглядывать, пробовать шить и кажется, что въ домѣ стало уютнѣе и веселѣе.

А когда Игнатій Николаевичъ уходитъ отъ нихъ, Анна Павловна снова укладывается въ постель, Маргарита припадаетъ къ ней и онѣ начинаютъ говорить о буду-

щемъ, строить планы, мечтать... Теперь у нихъ будутъ заказы, теперь уже мать не будетъ такъ уставать и, — кто знаетъ? — быть можетъ прежнее благополучіе вернется къ нимъ вновь.

Но чу!—опять звонокъ... Кто бы это могъ быть? Маргарита думаетъ, что это вернулся Игнатій Николаевичъ и бѣжитъ къ нему на встрѣчу.

Носильщики отворяютъ двери настежь, въ комнату врывается струя холоднаго воздуха и они, крихтя и сопя, вносятъ какую-то темную массу. Что это такое? Навѣрное они ошиблись этажемъ и не туда попали!

Но одинъ изъ нихъ подаетъ Маргаритѣ карточку, на которой написано нѣсколько строкъ. Она читаетъ ихъ, хочетъ подпрыгнуть отъ радости, но слезы ручьями начинаютъ лить у нея изъ глазъ, О, эти слезы счастья! Онѣ гораздо слаще, чѣмъ самое сладкое варенье!

Игнатій Николаевичъ извѣщалъ ее, что посылаетъ ей піанино, что будетъ радъ, если она будетъ на немъ играть, что швейная машина—это для ея матери, а самое піанино пусть Маргарита возьметъ себѣ.

Носильщики поставили инструментъ между двухъ оконъ и едва только вышли изъ комнаты, едва

Маргарита не смогла утерпѣть и прошлась пальцами по клавишамъ.

только за ними была заперта дверь, какъ Маргарита не смогла утерпѣть и прошлась пальцами по клавишамъ...

О, какой гимнъ благодарности, какую мольбу къ Богу за добраго человѣка она сыграла-бы сейчасъ на этомъ піанино, если-бы умѣла сочинять!

Но ея будущее теперь у нея въ рукахъ, она сумѣетъ теперь побѣдить жизнь и теперь, съ помощью этого инструмента, она докажетъ своему учителю, что и изъ нея выйдетъ со временемъ артистка, достойная своего профессора.

И она стала съ увлеченіемъ играть.

Г. С. — Ж.

ОКТАБРЬ.

Октябрь... То дождь идетъ, то иней
 На всемъ бѣлѣть; то морозъ;
 Притихло все, лишь гусь съ гу-
 сыней
 Бредутъ туда, гдѣ былъ овесъ.

Но онъ ужъ сжать, ужъ тамъ
 вспахали
 И гуси шествуютъ назадъ...
 Повяло все, туманны дали
 И ужъ въ поляхъ не слышно стадь.

Вчера весь день такъ сыро было,
 Всѣ ночи такъ темны, грустны
 И такъ тоскливо, такъ уныло,
 Сова кричитъ во тѣмѣ съ сосны!

Да, ужъ октябрь... На небѣ тучи
 И грязь, и лужи у крыльца.
 Повсюду листьевъ желтыхъ кучи,
 И дождикъ, дождикъ безъ конца.

Кузнечикъ.

ВЪ ИЗБУШКѢ ЛѢСНОГО СТОРОЖА.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Мизи прибѣжала домой взволнованная и запыхавшись отъ усталости. Всѣ домашніе были въ сборѣ. Увидѣвъ у нея подмышкой Пульку, они удивились, обступили ее со всѣхъ сторонъ и стали ее расспрашивать, гдѣ она нашла собачку. Но она отъ волненія долго не смогла объяснить.

— Тамъ!.. Тамъ!.. говорила она, указывая куда-то рукой.

— Да гдѣ тамъ? спросилъ Вилли.—Гдѣ ты сейчасъ была?

— Въ замкѣ... У графини... Пулька была тамъ!

Вилли широко раскрылъ глаза.

— Ты была въ замкѣ? спросилъ онъ въ удивленіи.

— Да, отвѣтила она и стала почему-то плакать.

Когда она успокоилась и отдохнула, то всѣ опять обступили ее со всѣхъ сторонъ и стали ее расспрашивать, какъ она могла по-

пасть въ замокъ? Она искренно обо всемъ рассказала и всѣ стали смотрѣть на нее такъ, точно она побывала въ Америкѣ.

— А ты не врешь? спросилъ Кириакъ.

Вилли заступился за Мизи.

— Она, папа, никогда не вреть! сказалъ онъ.

Но всѣмъ было дико и странно, что такая маленькая дѣвочка, выросшая въ крестьянской семьѣ и вдругъ могла быть въ гостяхъ у знатной графини.

— Чудеса въ рѣшетѣ, да и только! развелъ руками Кириакъ.

Но доказательства были на лицо: у его ногъ суетилась Пулька, а на столѣ лежали дорогія конфеты, принесенныя Мизи.

Весь день прошелъ въ избушкѣ сторожа, какъ во снѣ. Мизи казалось, что она вовсе не была въ замкѣ, а ей это приснилось, а

всѣмъ ея домашнимъ какъ-то не вѣрилось и они то и дѣло разспрашивали ее и по десятку разъ задавали ей все одни и тѣ-же вопросы.

Наступилъ вечеръ, всѣ улеглись спать, а Мизи еще долго не могла уснуть и все думала о графинѣ. Почему она была такъ съ нею любезна? Почему сама пригласила ее къ себѣ въ гости и такъ пристально заглядывала ей въ глаза? Мизи старалась найти отвѣтъ на эти вопросы, но все смѣшалось у нея въ головѣ и она наконецъ заснула.

На утро ее ожидалъ новый сюрпризъ: опять исчезла Пулька. Но Мизи уже не горевала, не искала ее съ такими слезами, какъ въ первый разъ, такъ какъ втайнѣ была убѣждена, что собачка опять убѣжала въ замокъ. Ей даже было обидно на то, что послѣ столькихъ лѣтъ Пулька оказалась вдругъ невѣрной и предпочла сытую довольную жизнь у графини тѣмъ людямъ, которые такъ сильно ее любили.

— Пусть!.. шептала Мизи, глотая слезы обиды. — Не хочеть оставаться съ нами и не надо!

И для Мизи опять потянулись дни одиночества. Фрау-Эми по прежнему не сходила съ постели, всѣ мужчины съ утра и до вечера были на работѣ, а уставшая и уже начавшая старѣть бѣдняжка-Гульда все время хлопотала по хозяйству и вся ушла въ мелочи домашней жизни. Мизи помогала ей, но всего сдѣлать не могла, и въ свободное время уходила въ лѣсъ. Здѣсь она садилась подъ деревомъ и предавалась своимъ мечтамъ. Иногда ей казалось, что если она подкрадется къ тому

мѣсту у ручья, гдѣ такъ неожиданно встрѣтила разъ графиню съ ея компаньонкой, и раздвинетъ кусты орѣшника, то увидитъ ее и опять, — и она, затаивъ дыханіе, шла къ ручью, раздвигала кусты и съ бьющимся сердцемъ заглядывала сквозь нихъ подъ дерево. Но тамъ не было никого. Разочарованная, она шла обратно, садилась на траву и снова предавалась своимъ думамъ.

— Съ нашей Мизи дѣлается что-то не ладное! тихонько говорилъ Вилли отцу. — Она о чемъ-то стала задумываться.

— Кровь сказывается!.. вздыхалъ Кириакъ. — Господское дитя!.. Не то, что мы — крестьяне. Ты посмотри на ея руки! Развѣ такими маленькими, нѣжными руками можно дѣлать грубую мужицкую работу? Эхъ-хе-хе!.. Ужъ я и не знаю, что она будетъ дѣлать безъ меня, когда я умру, а ты уйдешь въ солдаты?

Мысль объ этомъ безпокоила и Вилли. Онъ и самъ давно уже замѣчалъ, что изъ Мизи не выйдетъ простой крестьянской дѣвушки и что ей слѣдовало-бы дать хорошее образование и направить ее по другому пути. Но гдѣ было взять для этого денегъ? Да и какимъ наукамъ ее слѣдовало-бы учить?

Дни проходили за днями и жизнь шла своей чередой. Прибѣгала какъ-то Пулька, схватила зубами Мизи за подолъ и потянула ее куда-то, очевидно приглашала ее слѣдовать за собой. Но Мизи не поняла, испугалась, какъ-бы Пулька не разорвала ей юбку, и прикрикнула на нее. Пулька поластилась, поскулила, повер-

тѣлась около ея ногъ и убѣжала опять невѣдомо куда.

— Пусть ее!.. и на этотъ разъ сказала Мизи.— Она дрянная, неблагодарная собаченка! Она убѣгаетъ!

Затѣмъ разнеслась вѣсть, что графиня уѣхала куда-то на воды и возвратится только черезъ полтора мѣсяца. Это заставило Мизи страдать. Почему-то, сама не зная — почему именно, она такъ свыклась съ мыслью, что графиня и ея замокъ близки ея сердцу, она такъ привыкла о нихъ мечтать, что теперь весь міръ казался для нея опустѣвшимъ. Понуривъ головку, она бродила по лѣсу, и все задавала себѣ неотвязчивые вопросы:

— Почему я не такая, какъ и всѣ? Отчего я такая глупая, что все брожу и брожу по лѣсу и не могу сидѣть дома и помогать бѣдной Гульдѣ? Боженька, сдѣлай такъ, чтобы я была умной!

Въ эти полтора мѣсяца въ избушкѣ лѣсного сторожа случилось событіе, которое рѣзко измѣнило жизнь ея обитателей. Тяжко заболѣлъ Кириакъ.

Онъ давно уже недомогалъ, жаловался на боль въ спинѣ и въ головѣ и наконецъ слегъ. Весь красный, пылая въ жару, онъ вскакивалъ съ постели, бредилъ, угрожалъ невидимымъ врагамъ и затѣмъ снова пластомъ валился на кровать и впадалъ въ забытѣе. А когда онъ на время приходилъ въ себя, то глаза его свѣтились какъ-то уныло, онъ призывалъ къ себѣ Вилли и Мизи, бралъ ихъ за руки и долго умоляюще на нихъ смотрѣлъ. Бѣдная Гульда выбивалась изъ силъ. Теперь у нея на рукахъ было уже двое больныхъ

—фрау-Эми и Кириакъ и мысль что Кириакъ долго не поправится и ему могутъ отказать отъ мѣста, приводила ее въ ужасъ.

— Что мы тогда будемъ дѣлать? спрашивала она себя.—Гдѣ мы будемъ жить?

А Кириаку становилось все хуже и хуже. Позвали доктора, послали за нимъ лошадь. Онъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больного и сказалъ:—

— У него тифъ! Его слѣдовало бы отвезти въ городъ въ больницу. Я совѣтовалъ-бы вамъ всѣмъ беречься и не входить съ нимъ въ соприкосновеніе, а то можно заразиться и самому.

Онъ уѣхалъ и для Гульды и Вилли теперь было ясно, что надъ ихъ семью стряслась бѣда. А къ этому стала прибавляться еще и другая: какъ-то заугрюмилась Мизи, глаза ея какъ-то заплыли, она стала какою-то вялой, щеки ея запылали, она пожаловалась на боль въ горлѣ, а затѣмъ ее охватилъ мучительный ознобъ, отъ котораго у нея зубы застучали, точно выбивая дробь,—и она тоже слегла. Ознобъ смѣнился высокимъ жаромъ, забредила и она —и теперь не оставалось уже никакихъ сомнѣній, что она заразилась отъ Кириака. Ее уложили на лавку, все время Вилли былъ около нея, а уставшая, выбившаяся изъ силъ Гульда, то и дѣло смотрѣла на Распятіе и повторяла:—

— Господи, за что такое испытаніе? Пошли мнѣ силу перенести его! Что, если они оба не перенесутъ этой болѣзни?

Мизи то приходила въ сознаніе, то опять лишалась его. Время лѣ-

тѣло для нея поразительно быстро. Она чувствовала какую-то странную тяжесть въ рукахъ и въ ногахъ и ощущала постоянную сухость во рту, но дневной свѣтъ въ избушкѣ то и дѣло смѣнялся для нея, ночнымъ мракомъ. Дни и ночи мелькали для нея точно въ сказкѣ. Ей казалось, что Вилли ни на одну минуту не отходилъ отъ нея и въ то-же время длинный рядъ лицъ непрерывно тянулся передъ ея глазами: графиня, ея компаньонка, привратница въ замкѣ, лакей, принявшій ее за нищенку.

— Гоните лакея! вдругъ крикнула она не своимъ голосомъ на всю избушку.

Когда-же она очнулась отъ забытья, то въ избушкѣ не было никого. Било солнце въ окно и на противоположной стѣнѣ игралъ радужный зайчикъ отъ луча, проходившаго сквозь стаканъ съ водой. Мизи оглядѣлась по сторонамъ и вдругъ радостно засмѣялась. Что-то сладкое, счастливое вдругъ разлилось по всему ея тѣлу. Ею овладѣло ощущеніе безбрежнаго, безконечнаго, какъ море, счастья и радость жизни вдругъ захватила ее всю. Ей вдругъ неудержимо захотѣлось двигаться, выскочить изъ избушки, побѣгать по лѣсу, она рванулась съ постели, но руки и ноги не послушались ея и она такъ и осталась лежать, какъ и лежала.

— Ну, вотъ и хорошо!.. вдругъ послышался около нея голосъ Вилли.—Слава Богу, болѣзнь миновала! Теперь еще немного, ты окрѣпнешь и уже совсѣмъ встанешь съ постели,

Онъ сѣлъ у ея изголовья и сталъ съ нею шутить.

— Милый Вилли! воскликнула она.—Какъ я тебя долго не видала!

И снова, безъ причины, отъ одной только радости жизни она звонко засмѣялась. На Вилли не было лица. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, осунулся. Но она этого не замѣчала и все продолжала смѣяться. А затѣмъ она заснула и проснулась только на слѣдующее утро. Ей было еще веселѣе, чѣмъ наканунѣ.

— А гдѣ-же всѣ? вдругъ вспомнила Мизи.—Гдѣ мама, Гульда, папа?..

— Мамы и Гульды нѣтъ сейчасъ дома...

— А папа?

— Папа?.. смутился Вилли.—Его... его тоже нѣтъ дома! Но онъ... придетъ!

Пришли фрау-Эми, Гульда и Фрицъ, но какъ-то странно: съ узелками, точно откуда-то издалека. Всѣ были рады, но какая-то тихая грусть лежала на ихъ лицахъ. Всѣ часто вздыхали, вздыхалъ и Вилли. А затѣмъ пробѣжала еще недѣля и Мизи встала съ постели. Поддерживаемая Вилли, она прошлась немного по лѣсу, устала и сразу-же вернулась назадъ. Ей было весело, она радовалась всему, даже этой своей усталости, и смѣялась, смѣялась безъ конца!

— А гдѣ-же папа? хватилась она наконецъ.—Когда онъ придетъ? Что-же это я его такъ долго не вижу?

Гульда вздохнула, посмотрѣла на Распятіе и на глазахъ у нея заблестѣли двѣ слезинки.

— Нашего папы нѣтъ... сказала она.—Онъ уже больше не вернется никогда.—Боженька взялъ его къ себѣ...

Эта вѣсть, какъ обухомъ, поразила Мизи. Но это было всего-только одну какую-нибудь минуту. Радость выздоровленія, необыкновенная жажда жизни владѣли всей ея душой, она вздохнула хотѣла было заплакать, но тотчасъ-же выбѣжала въ лѣсъ и обо всемъ забыла: таково-ужь выздоровленіе отъ тяжкой болѣзни. Вилли услышалъ ея пѣніе, улыбнулся и шутливо погрозилъ ей пальцемъ въ окно.

— Вотъ я тебя! крикнулъ онъ ей.—А потомъ онъ замахалъ ей головой, и продолжалъ:—Пой, пой, моя птичка! Радуйся! Это я такъ, пошутилъ...

Черезъ недѣлю пріѣхала графиня. Мизи обрадовалась ея возвращенію, все вдругъ для нея еще болѣе расцвѣло, она снова размечталась, стала уже воображать себя въ замкѣ и сильно хотѣла, чтобы ее пригласили туда вновь. Но за ней оттуда не присылали, а тутъ еще, случилось въ сторожкѣ цѣлое событіе—и это на время отвлекло ее отъ думъ о замкѣ. Пріѣзжалъ чиновникъ съ кокардой и сдѣлалъ ффрау-Эми допросъ. Тотчасъ-же послѣ смерти мужа, боясь потерять насиженное гнѣздо, она обратилась по начальству съ просьбой, чтобы мѣсто лѣсного сторожа оставили за ея сыномъ Вилли. Вилли долженъ былъ въ октябрѣ идти въ солдаты и, если его не возьмутъ, то онъ могъ-бы вполне замѣнить своего отца и быть сторожемъ, а если ему суждено было-бы уйти въ солдаты, то не найдеть-ли начальство возможнымъ не выселять всю семью изъ избушки до октября и затѣмъ уже дать ффрау-Эми хоть какую-нибудь пен-

сію. Чиновникъ задавалъ вопросы и требовалъ на нихъ точнаго, подробнаго отвѣта и всѣ показанія ффрау-Эми и Вилли записывалъ къ себѣ на бумагу: Давно-ли умеръ Кириакъ, сколько лѣтъ онъ находился на службѣ по лѣсному вѣдомству, сколько семья проживала въ мѣсяцъ и т. д. Когда же дошла очередь до состава семьи, то чиновникъ спросилъ:—

— Вы пишете въ прошеніи, что у васъ пятеро дѣтей, а между тѣмъ ихъ всего только трое. Кто-же такія Гульда и Мизи? Какъ онѣ вамъ доводятся?

— Гульда — племянница мужу, отвѣтила ффрау-Эми, а Мизи...

Она замаялась и вдругъ вся покраснѣла. Всѣ ея дѣти, Гульда и Мизи стояли тутъ-же и со вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалъ чиновникъ.

— А Мизи? переспросилъ чиновникъ.

— Она... Она у насъ подкидышь! отвѣтила ффрау-Эми.

Гульда вспыхнула, Вилли строго посмотрѣлъ на мать. Оба испугались, что Мизи могла услышать эти слова, и молчаливо упрекнули ее за болтливость. А Мизи дѣйствительно услышала ихъ, вздрогнула, вся вдругъ поблѣднѣла и схватилась за сердце. Теперь для нея было понятно все. Такъ вотъ почему она не такая, какъ и всѣ! Вотъ почему ее все время тянуло изъ сторожки въ лѣсъ, когда нужно было трудиться, не покладая рукъ, а не заниматься глупыми фантазіями! Такъ значить, она здѣсь чужая! Значить, всѣ эти девять лѣтъ она жила чужой хлѣбъ и служила бременемъ для чужой семьи! Ея маленькому дѣт-

скому уму было не подь силу такое страшное, неожиданное открытіе и, еле владѣя собой и боясь, какъ бы не разрыдаться вслухъ, она тихонько вышла изъ избушки и затѣмъ со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать въ лѣсъ. Она бѣжала, кусты цѣплялись вѣтками за ея волосы и платье, царапали ее, но она этого не замѣчала, и какой-то странный, незнакомый голосъ говорилъ ей въ самыя уши.

— Подкидышь! Подкидышь!..

А сзади нея бѣжалъ Вилли и кричалъ ей вслѣдъ:—

— Мизи! Мизи! Куда ты? Вернись!

Но она не слыхала его и продолжала убѣгать. Онъ догналъ ее, схватилъ ее на руки и ласково понесъ ее назадъ. Она уткнулась

лицомъ въ его грудь, горько плакала и плечи ея вздрагивали.

— Чего ты, Мизи? утѣшалъ онъ ее.— Успокойся, не плачь! Развѣ ты услышала что-нибудь дурное?

— Да... отвѣтила она, громко всхлипывая.— Теперь я знаю, кто я... Я—подкидышь!

Онъ еще крѣпче прижалъ ее къ себѣ и затѣмъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Кто-бы ты ни была, отвѣтилъ онъ,—я все равно люблю тебя, какъ родную сестру. Вѣдь я вынянчилъ на рукахъ! Ты—моя!

И онъ понесъ ее въ избушку. Мимо него кто-то пріѣхалъ на таратайкѣ. Это былъ чиновникъ. Онъ докончилъ свой допросъ и возвращался къ себѣ домой.

Метеоръ.

Окончаніе слѣдуетъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы два слова и поставлены рядомъ. Оба вмѣстѣ, они состоятъ изъ одиннадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. Буквы 10. 5. 8. 2. означаютъ часть поверхности земного шара, 4. 3. 1. 5. 8. 3. 10. 3—зрѣлище, 10. 3. 6. 9. 1. 3—душистую ягоду, 4. 3. 6. 7. 10. 3—тропическое дерево, 1. 5. 8. 3—убѣжище нѣкоторыхъ животныхъ, 3. 8. 2. 1. 3—то, что есть въ циркѣ, 5. 10. 3. 8. 11—морского рака, 6. 9. 10. 5. 1. 11—душистый плодъ, 8. 2. 10. 2. 1. 7—то, безъ чего нельзя сдѣлать уздеч-

ку и сбрую. Найти всѣ эти слова и отгадать по нимъ два задуманныхъ слова, которыя означаютъ названіе двухъ Европейскихъ родовъ.

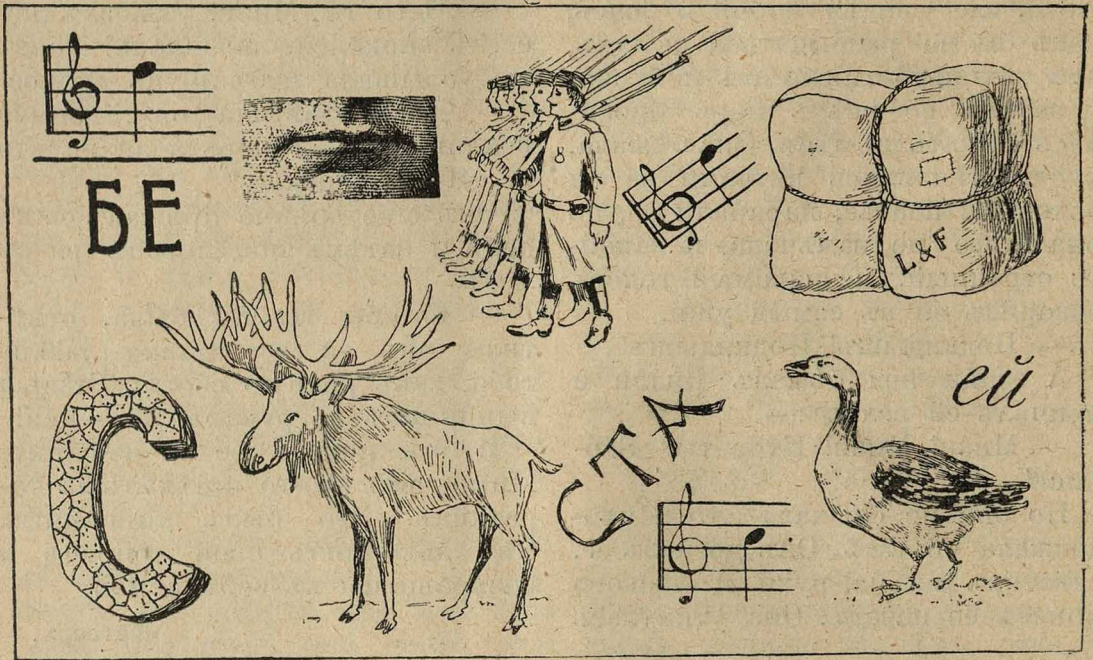
II.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Часть времени.
- 2) То, по чему мы учимся пѣть и играть
3. То, что мы читаемъ каждый день.

Отъ каждаго изъ этихъ словъ взять по первому слогу и составить изъ нихъ новое слово, озна-

Ребусъ № 23.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны)

чающее названіе узкой, длинной рыбы.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

III.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Часть экипажа.
- 2) То, чѣмъ моются и стираютъ.
- 3) Время года.

Отъ каждаго изъ этихъ словъ взять по послѣднему слогу и со-

ставить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ то, что имѣется въ снопѣ и въ конюшнѣ.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

IV.

Шуточный вопросъ. Отчего человѣкъ не можетъ подпрыгнуть до самыхъ облаковъ?

V.

Какая монета выходитъ изъ половины игольнаго ушка?

Рѣшеніе ребуса № 21, помѣщеннаго въ № 21 «Золотого Дѣтства».

Ужъ + на + до + ели + д + оса + дны + е + + дождь + л + ивы + е + дни = Ужъ надоѣли досадные дождливые дни.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Коля Краузъ, Коля и Маруся Борисенковы, Зиночка Семисаженова,

Тамара Смоленова, Лена Третьякова, Нина Игнатова, Вася и Аня Горьковскіе, Таня изъ Гагръ, Ося Соколова, Станиславъ Маркевичъ, Котя Кирилловъ, Кина, Леля, Сержикъ, Шурикъ, Поль и Геня изъ Калуги, Надя Бауеръ, Сима Сидорова, Славочка и Костя Кателякъ, Альфредъ Гиссеръ, Соня Сурженко, Нина и Нелли Ръзановы.

Годъ изданія восьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1915 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

△ Подписной годъ съ 1-го Ноября. △

Выходить ДВА РАЗА въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

≡ При каждомъ номерѣ приложенія ≡

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровский 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

3 р. 80 к.

Годъ изданія седьмой.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1914 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходить два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

≡ При каждомъ номерѣ приложенія ≡

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровский 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.